В.Т. Козлов

БАРОН КАРЛ ФОН ШТЕЙН И НАЧАЛО НЕМЕЦКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Обилие сохранившихся и сберегаемых горожанами раннебарочных Старого Вильнюса и позднеготических зданий Таллина и Риги уникально не только для Прибалтики, но и для всей Европы и сравнимо, особенно с таллинскими образцами поздней готики, лишь с Брюгге. Работы горожан по сбережению своего культурного наследия не только ценны, но и связаны с немалыми трудностями, если иметь в виду, что архитектурный ансамбль Старого города является не только музеем под открытым небом для нарастающего потока туристов, но одновременно и средой обитания многих тысяч жителей. Эти усилия, в частности, таллинцев заслужили даже международное признание: в торжественной обстановке в 1980 г. им вручили Золотую медаль Европы фонда FVS...

Примерно так недавно описывал я свои впечатления о посещении старых районов Вильнюса, Риги и Таллина. «Флюиды Старого города» - эта метафора знаменитого мэтра, писателя Яана Кросса, оживившего образ средневекового Таллина настолько, что город стал едва ли не главным действующим лицом в его эпопее времен Ливонской войны и Бальтазара Руссова.

Мне довелось тогда беседовать со многими таллинцами, в том числе, и с участниками торжественного награждения Золотой медалью FVS. Эрудированные горожане охотно сообщили, что фонд еще в 1931 г. учредил в Гамбурге Альфред Топфер, который и стал его первым президентом. Медаль же фонда присуждается за достижения в области культуры, сохранения окружающей среды и сбережения историко-художественных памятников. Еще я узнал, что такой же награды был ранее удостоен югославский Дубровник. Однако вопрос расшифровки названия фонда (FVS) неожиданно встретил затруднения. Что это за символы - монограмма? Действительно, странно, но факт - и в Москве, и в Таллине интеллигенция в недоумении молчала. Может быть, кто-то и знал да забыл. Но в основном-то не проявили интереса. Неужели это равнодушие ко всему, что выходит за рамки повседневных забот и декларируемых либо проповедуемых идей? Или же это связано с повсеместным увлечением символикой, символизмом в искусстве и литературе, знаковым мышлением, овладевшим умами из-за колоссального развития техники. Повальный техницизм и, как

следствие, издержки массовой культуры нанесли огромный ущерб культуре гуманитарной. Но духовность в человеке и обществе жива. И разбудить ее можно и нужно.

И все-таки, благодаря совместным усилиям с Яаном Кроссом, мы узнали, что монограмма FVS - это Freiherr von Stein (барон фон Штейн), немецкий реформатор и видный деятель освободительного движения против Наполеона 1812-1814 гг.

«Через пять лет я буду господином мира, - говорил Наполеон после Тильзитского мира 1807 г., - остается одна Россия, но я раздавлю ее...» Порабощенные народы Германии и остальной Европы, однако, с надеждой взирали на Восток. «Все взоры обращаются к России, - доносил из Берлина русский посол в Пруссии Х.А. Ливен, а далее следовало, что многие прусские офицеры «выразили желание поступить на службу в нашу армию в случае войны с Францией». Так были настроены «союзники» к 1811 г.

Через год один из лидеров германских патриотов барон Карл фон Штейн, отставленный от службы прусским королем под давлением наполеоновского режима и приглашенный русским императором на службу, подал Александру I памятную записку - проект создания добровольческого иностранного легиона из немцев, который мог бы действовать в тылу наполеоновской армии. Штейн подал свою записку 6 (18) июня 1812 г в Вильно (Вильнюс), где стоял со своим штабом русский император. Это случилось всего за несколько дней до вторжения Великой армии в пределы России. Как только началась война, Александр I незамедлительно направил записку Штейна в так называемый Комитет по делам Германии, который собрался 28 июня 1812 г., т.е. через четыре дня после перехода Наполеона через Неман. Штейн был прогрессивным человеком либерального направления, мечтавшим о единстве Германии, которая была в те времена скорее поэтическим понятием, чем реальностью, и состояла из сотен мелких государственных образований.

При этом либералом Штейн стал не сразу. В начале своей реформаторской деятельности он стоял за традиции немецкой старины, но такой, в которой «сословные отношения соединялись бы с сознанием обязанностей, налагаемых на высшее сословие, именно его особым положением в государстве». Веяния Великой французской революции, в известной мере используемые другим реформатором - Гарденбергом, Штейн считал для немецких условий нецелесообразными. Однако оба реформатора стояли на антинаполеоновских позициях. При этом Гарденберг, будучи первым министром прусского правительства, накануне Тильзитского

мира 1807 г., подал своему королю полуфантастический документ о европейском переустройстве, в котором безземельный прусский король наделялся значительными территориями (почти по типу бисмарковских мероприятий 1866 г.) *без пролития хотя бы единой капли прусской крови.* Россия же в этом проекте в скрытой форме наделялась Константинополем, который еще надо было отобрать у Османской империи, ну и т.д. Наполеон, ознакомившись с гарденберговским проектом, был в ярости и настоял на том, чтобы не только Гарденберг не был допущен на тильзитские мероприятия, но и прусский король всячески унижался и игнорировался. Примером солдафонского обращения с прусской королевской четой может служить слезное, но бесполезное свидание с Наполеоном очаровательной королевы Луизы Прусской, автограф которой, как и фрагмент письма Гарденберга, имеются в нашем собрании. Советники Фридриха-Вильгельма мечтали смягчить волю сурового победителя, чуждого, однако, сантиментов и не допускающего вторжения их в область политики. Вероятно, вспомнили мемельское свидание 1802 г. и потсдамскую мелодраму 1805 г. у гробницы Фридриха II с ее великой пользой, извлеченной некогда для Пруссии из чувствительного сердца юного Александра I, которым, считалось, была увлечена многодетная, но, несомненно, прелестная королева Луиза - истинный монарх на троне по сравнению с вялым трутнем - ее мужем. По мнению Гарденберга, выраженному в особой записке, королева должна была, не вмешиваясь в политические дела, обратиться к сердцу Наполеона, как мать и жена; отныне, писал Гарденберг, от императора будет зависеть приобрести дружбу короля и привязать к себе Пруссию. Королева же примет на себя ручательство в неизменности этих чувств.

Королева прибыла в Тильзит 24 июня (6 июля), накануне подписания Тильзитского мирного договора. Наполеон прискакал к дому, занимаемому королевской четой, через час. Не выпуская из рук хлыста, поднялся он по лестнице крыльца в королевские покои. Но прусские дипломаты ошиблись. Наполеон отклонил ходатайство Луизы, и не

только ее. Всякие просьбы пруссаков о возвращении областей, отошедших от Пруссии, решительно отклонялись. «Ваш король, - сказал Наполеон, - всем обязан рыцарской привязанности к нему императора Александра: без него династия короля лишилась бы престола, и я отдал бы Пруссию брату моему Жерому. При таких обстоятельствах ваш монарх должен считать одолжением с моей стороны, если я что-либо оставляю в его власти». И еще высказывание Наполеона: «...крылья будут теперь обрезаны пруссакам настолько коротко, чтобы отнять у них всякую возможность беспокоить нас»[1].

В своей речи к законодательному корпусу от 4 (16) августа Наполеон заявил определенным образом, не скрывая истины в том, что *сохранение династии Фридриха-Вильгельма* обеспечено единственно лишь «дружеским чувствам, внушенным ему могущественным императором Севера»[2]. Сам прусский король настойчиво повторял недоброжелателям России: «Нет, я не отстану от Александра (Nein, von Alexander lass ich nicht)»[3]. Письмо барона Криденера графу Румянцеву, 30 сентября (12 октября) 1807 г. из Мемеля (архив МИДа), закрепляет эту фразу прусского монарха.

Освободительный свет для Германии сиял со стороны русского государства. Но даже несмотря на гибель Великой армии в России, срединная Европа не восстала бы против Наполеона. Отважился ли бы на это безвольный прусский Фридрих-Вильгельм? Пожелали бы этого двуличные Франц и Меттерних? Нет! Пруссия вела одновременно переговоры с Россией и Францией, а Австрия же довольствовалась пока выжидательной позицией. Что же касается князей Рейнского союза, то последние не замедлили последовать повелению своего протектора - французского императора, приступив к усиленному вооружению. Могли бы что-нибудь существенное сделать германские патриоты? Любезные моему сердцу именно потому, что в своем восстании против наполеоновского владычества в «Befreiungskriege» - Освободительной войне они вдохновлялись единственно прочной опорой - плечом русских воинов, громивших Наполеона. «Нет и еще раз нет!» - восклицает один из правдивых немецких историков Иоханнес Шерр. «Без Александра не было бы войны 1813 года»[4].

Вот что писал известный прусский фельдмаршал и патриот своей родины Н. Гнейзенау графу Чернышеву 30 июня (12 июля) 1831 г. из Познани: «Если бы император Александр по отступлении Наполеона из России не преследовал завоевателя, вторгнувшегося в его государство, если бы он удовольствовался заключением с ним мира, то Пруссия поныне находилась бы под влиянием Франции, а Австрия не ополчилась бы против последней. Тогда не было бы острова св. Елены, Наполеон был бы еще жив, и один Бог знает, как бы он выместил на других те невзгоды, какие ему пришлось вынести в России. Русскому союзу мы обязаны нашей настоящей независимостью».

Бескорыстная помощь русских давно немцами забыта и даже отрицается немецкой историографией; оказывается, напротив того, что дело освобождения совершено геройскими прусскими руками. А Россия, громившая Наполеона, который в Великую армию согнал в том числе и разнообразных немцев из Рейнского союза, рассчитывающих поживиться за свое участие во вторжении в русские просторы, - такая Россия только мешала, дескать, делу германского освобождения.

Обратим внимание еще на один случай постоянного искажения или недоразумения. Еще будучи великим князем, Александр оплакивал падение Польши и мечтал о ее восстановлении. Лелея эту мысль, император Александр затруднялся только осуществлением своего проекта, требующего отторжения от Пруссии доставшихся ей, по последнему разделу, коренных польских областей. Совершить самолично ампутацию монархии Фридриха Великого представлялось для императора Александра столь щекотливым делом, что он никогда бы не решился исполнить его. Доказательством тому служат 1805 г. и участь, постигшая политические прогнозы князя А. Чарторыжского. В 1807 г. Александр по этим же (луизианским или пропрусским мотивам: вспомним клятву над надгробием Фридриха II) соображениям отверг предложенную ему Наполеоном границу по Висле. Князь Куракин в это время пишет 18 (30) июня 1807 г. из Тильзита императрице Марии Федоровне: «От него самого зависело присоединить к своим обширным владениям все польские провинции Пруссии и принять титул короля польского. Наполеон предлагал его государю, но он имел *великодушие* не пожелать этого»[5] (курсив наш. - *В.К.).*

Следует признать, что Наполеон, предполагая свой поход на Россию, мог делать подарки, вроде Варшавского герцогства, где предлагал править либо самому царю, либо одному из его братьев. Что и имело место впоследствии. Однако это было лишь разменной монетой глобальной наполеоновской политики.

Появление герцогства Варшавского за счет польских областей, изъятых у Пруссии и потом оставшихся у России, позволило в принципе сохранить польскую нацию, ибо в германских тисках польским областям грозило полное онемечивание. Это мы наблюдали после освобождения Красной Армией польских земель в войне 1941-1945 гг. в так называемом данцигском коридоре, в котором не только поляков, но и польского духа не сохранилась. Все это приходилось культивировать заново. Польша и как национальная сущность, и как государственное образование сохранилась и даже развивалась вместе со всей Россией.

Когда в Тильзите французский император потребовал отставки Гарденберга, именно Наполеон порекомендовал Фридриху-Вильгельму III в качестве первого министра Карла фон Штейна, бывшего до

того министром торговли, введшим бумажные деньги. 30 сентября 1807 г. состоялось его свидание с королем, 5 октября - назначение его первым министром, а 9 октября уже появился эдикт, отменяющий в прусском монархическом государстве крепостное состояние. К этому в своих делах шел и Гарденберг. Считая безусловно необходимым для восстановления Пруссии вселить в народные массы дух патриотизма, Штейн начал свою реформаторскую деятельность именно с освобождения крестьян. При этом он сломил сопротивление короля и его окружения, предполагавших ограничить освобождение от крепостничества двумя провинциями (в Восточной и Западной Пруссии), но Штейн решительно настоял на распространении эдикта на все области монархии. Штейн начал разрушение старого социального и экономического быта не только в селах, но и в городах благодаря отмене монополий и цеховых стеснений, а также провозглашению свободы торговли и промышленности. Конечно, не все прогрессивные мероприятия были доведены до конца: и по отношению к бюргерству, и у дворянства были оставлены отдельные привилегии и т.п. Наполеоновская оккупационная администрация и сам император почувствовали, куда клонит Штейн. Последовало указание Наполеона, и Штейн должен был не только покинуть свой министерский пост, но опасаясь преследований, скрывался сначала в Австрии, а затем был приглашен царем в Россию. В нашем собрании имеется редкий портрет Карла фон Штейна и огромный по формату и объему богато иллюстрированный альбом «Befreiungskriege 1813-1815», изданный к столетнему юбилею этой Освободительной войны[6].

Было очевидно, что условия для патриотического подъема в Германии были самыми неблагоприятными. И если только патриотический порыв мог поднять нацию против чужеземного ига, то каковы были в Германии силы, которые могли бы зажечь пламя народного воодушевления? Немецкая интеллигенция, словно по отдельным казематам, была заключена в пределы крохотных «отечеств» и в каждом придавлена цензурой и опекой, полицией и консисторией. В университетах свирепствовало богословское правоверие, над обществом стоял мор благонадежности, а полиция заведовала в такой же степени длиной кафтанов и кос, как фасонами чувств и убеждений. Только в таких исключительных центрах, как Веймар, нашли приют свой или моральную и материальную поддержку и Шиллер, и Гете, и Гердер, и Виланд, и Бюргер.

В нашем фамильном собрании имеются также письмо (пока не переведенное) и два портрета Людвига Уланда, которому 26 апреля 1813 г. исполнилось 26 лет и который в «Песне немецкого поэта» (январь 1814 г.) ясно обозначил свой переход с аполитично-эстетических на патриотически-гражданские позиции.

> Но сразу все постыло, Как враг пошел в поход, И клич
> провозгласил я: «За родину вперед!»

В тот же день (29 января 1814 г.) Уланд пишет стихотворение «К родине», в котором выражает надежды на новое, светлое будущее свободной Германии.

> К тебе, отчизне обновленной, Устремлена мечта моя! Надеждой новой
> окрыленный, Твою свободу славлю я.

Пусть читатель поймет правильно и меня, и немецких поэтов-романтиков - немецкая действительность лишь при величайшем напряжении фантазии могла дать материал для таких образов и понятий, как народный дух, общее отечество, германская доблесть, любовь к родине и т.п. И здесь для выполнения своей задачи романтика должна была обратиться не к настоящей действительности, а к романтизированному и мифологизированному прошлому. И из него, т.е. из мифа, черпать образы истинного германизма.

Однако патриотический поток Освободительного движения возник из маленьких ручейков.

В 1809 г. австрийцы поднялись на новую войну с Наполеоном, и командир одного гусарского полка прусской армии полковник Шилль, полагая увлечь за собой всю армию, двинулся с небольшим отрядом против французов. Все кончилось полным провалом - почти никто за Шиллем не последовал. Все бойцы отряда были частью убиты при сшибке с французами, остальные - расстреляны. Конечно, это был пример героического самопожертвования для блага родины. И подвиг этот показал, что в Пруссии, униженной и раздавленной победителем, еще не угас дух героизма. Искреннейший певец национального прусского возрождения Эрнст Арндт видел в Шилле народного героя: «Ни император, ни король не посылают его - его посылает свобода и отчизна».

Таким же неудачным было выступление молодого герцога Брауншвейгского, вассального прусского князя. Он двинул свой 1,5-тысячный отряд, быстро таявший, на помощь австрийскому императору, надеясь увлечь за собой патриотов... Но никого он не увлек и сам едва спасся, подхваченный английскими кораблями.

Было очевидно, что в самой Пруссии, несмотря на народную ненависть к французам и на отдельные героические выступления, нет достаточных сил для борьбы с Наполеоном. Внешним фактором, стимулирующим немецкую народно-патриотическую энергию, являлась неминуемая гибель в России Великой армии и последующее движение русских войск на Запад, во что передовые немецкие умы свято

верили, прежде всего немецкий реформатор-изгнанник Карл фон Штейн, нашедший приют в России и не оставивший мысли о восстании немцев против Франции. Он создал Германский Комитет, целью которого было возбуждение свободолюбивого немецкого духа и подготовка освобождения немцев от французского владычества.

Карл фон Штейн, происходивший из старой дворянской фамилии (родился в 1757 г., в Нассау) государственный деятель, какого любая нация хотела бы иметь во главе своего государства и правительства и который мог бы противостоять внешней угрозе, являя собой душевное благородство в борьбе с демоническим честолюбием, ненавистничеством и эгоизмом. Широкоплечий, широкогрудый, с высоким лбом, крупным носом, сжатыми губами, приземистый, Штейн обладал могучим здоровьем, проницательностью, не позволявшей никому вводить его в обман, горячим сочувствием ко всему высокому и достойному. При этом идеализм и гуманизм XVIII в. соединялись в нем с ясным пониманием действительности. Непреклонный и строгий своим прямодушием, он отличался искренней религиозностью, но не той, которая притупляет или искажает человеческую волю, парализуя ее предопределенностью Рока, а, наоборот, освобождая ее в данном случае *политическую волю,* методично продвигая ее от диктаторства до творчества во всем Провидентском пространстве. Он старался пробудить нравственные силы в народе, привлекая его к общественной деятельности, следовательно, к служению государству. Он основывал внутренний строй этого государства на принципах самоуправления и самоответственности, что связывалось с народным представительством - собраниями окружных, областных и государственных чинов. От этой мысли Штейн не отступал, хотя она пугала ограниченные умы. «Единовластие - удел лишь немногих правителей, но и при представительном строе государства они могут найти всегда, в самой благонамеренности своей, средства к выполнению задуманного ими».

Как бы это не показалось странным, но в самой Пруссии был индивид, который тоже верил в немецкое освобождение с помощью русской силы. Это был анемичный и слабовольный король Фридрих-Вильгельм III, безутешный вдовец, потерявший свою жизненную опору (королева Луиза умерла 19 июля 1810 г.). Наполеон разбирался в людях и хорошо представлял себе прусского короля, когда заявил, готовя вторжение в Россию, что если Пруссия свяжет себя с Россией, то он пошлет в Берлин 150-тысячный отряд. «Если непосредственным следствием этого, - говорилось в заявлении далее, - будет уничтожение Пруссии, она может тогда пенять только на себя... Пруссия будет тогда жертвой *непреодолимого рока,* и она покорится своей участи». После этого Фридрих-Вильгельм III подписал договор с Францией.

Похоже, сам Наполеон в результате своих побед уверовал в модную философию *Рока,* когда сделал некое безответственное заявление и по адресу России о том, что *«Россию влечет Рок»,* по-видимому, уже тогда перестав воспринимать Провидентные границы. Менее искушенные, но более провидентно-интуирующие натуры, например его бывшая жена императрица Жозефина, посетившая Великую армию перед переходом ее через Неман, дважды умоляла Наполеона *«не ходить в Россию».* Фридрих-Вильгельм III, наделенный более чем скромным стратегическим дарованием, после подписания договора с Наполеоном, понял последнего - готового перешагнуть провидентные рамки, в пределах которых ему везло. Непосредственно сразу после подписания договора прусский король пишет Александру I: «Если вспыхнет война, мы будем причинять друг другу зло только в случае суровой необходимости. Мы всегда будем вспоминать, что мы находимся в согласии, что в один прекрасный день мы должны снова сделаться союзниками, и хотя мы будем уступать непреодолимой судьбе, мы будем сохранять свободу и искренность наших чувств.» Уволив для внешнего восприятия одного из деятельных противников Наполеона военного министра Н. Гнейзенау, который посредством генерала Г. Шарнгорста быстрыми шагами пошел к реформе воинского дела - уничтожил вербовку в армию иноземных солдат, равнодушных к защите родины и удерживаемых в повиновении лишь при помощи жестокой дисциплины; открыл доступ к офицерским званиям людям всех сословий (раньше офицерами могли быть только дворяне); ввел в армию гуманное отношение к нижним чинам – подняв достоинство прусского солдата, самоуважение и уверенность в себе.

В октябрьские дни 1812 г., когда в Москве догорало пламя опустошивших ее пожаров и начинала выясняться неудача всего похода Наполеона в Россию, князь Ливен писал в Берлин от имени Александра I, побуждаемый Штейном: «Решение присоединиться к врагам России, принятое прусским королем, император простил в сердце; он ничего лучшего и не желает, как изгладить воспоминание об этом, и если бы какое-либо из королевств, воздвигнутых рукой Наполеона, могло быть уничтожено, то Россия заявляет, что воспользуется этой добычей не для себя, а для своих союзников». Здесь уже ясно выражалось обещание для Пруссии (а также и для Австрии) новых территорий. Хотя природное малодушие сильно довлело над прусским королем, его интуиция вела его к сближению с Россией. Так, командиром во вспомогательный Великой армии прусский корпус, базирующийся между Митавой, Кенигсбергом и Берлином и приданный в помощь французскому корпусу Макдональда, прусским королем был назначен ненавидевший Наполеона Г. фон Йорк. Строгий, твердый, проникнутый сознанием патриотического и военного долга, он всеми силами стремился не уронить честь Пруссии в том тягостном положении, в которое он был поставлен как командир подчиненного французскому командующему прусского вспомогательного подразделения. Когда катастрофа Великой армии сделалась ощутимой и для Макдональда, то французы, до того времени относившиеся к Йорку не особенно милостиво, вдруг перешли к самой дружеской предупредительности: в конце ноября

1812 г. он получил офицерский крест Почетного легиона и затем в награду 20 тыс. франков. Еще Йорку дали понять, что его ожидает маршальский жезл. Сам Йорк отправил лейтенанта Каница в Вильну, и тот, возвратившись к нему 8 декабря, дал полную картину гибели «великой армии». Далее следуют события, известные нам из исторической хрестоматии.

Йорк обратился за инструкциями к своему королю. Ответ пришел неопределенный: король находил преждевременным открытый разрыв с Наполеоном и советовал «ждать и избегать опрометчивых поступков». Но ждать больше было уже невозможно. При известии о бегстве Наполеона из России вся нация пришла в необычайное возбуждение. Все поняли, что дни наполеоновского владычества прошли, и для Пруссии настала пора отмщения. Народ был охвачен воинственным пылом. Дальнейшее выжидание было в его глазах не благоразумной осторожностью, а изменой национальному делу освобождения и отказом следовать национальной совести. Йорк решился. Он обратился к собравшимся офицерам: «. настал час, когда мы можем вернуть нашу независимость, соединившись с русской армией.» На другой день после этого (31 декабря 1812 г.) в польских Таврогах (Тауроген) с русским генералом Дибичем в присутствии немецких военных советников при русской армии, в том числе Клаузевица, была заключена *Таурогенская конвенция,* по которой вспомогательный прусский корпус отпадал от французской армии. Йорк писал королю: «Теперь или никогда настал час завоевать свободу, независимость, величие». Конечно, Фридрих-Вильгельм III, вздрагивая от присутствия под боком в Берлине французского гарнизона сурового Ожеро, Таурогенскую конвенцию не только не одобрил, но и издал указ об отрешении Йорка от должности и об аресте его. Еще он дал согласие поставить все прусские войска под команду французского главнокомандующего. Однако Александру писал, что, хотя он не может утвердить Таурогенское соглашение, но вполне одобряет его и ждет прихода русских войск.

Долго держаться такого двуличного положения было невозможно. События развивались стремительно. Вслед за Таурогеном французские войска очистили всю Пруссию (кроме Данцига), и русские войска вступили в Восточную Пруссию. Кутузов опубликовал прокламацию, в которой призывал пруссаков покинуть «дело Наполеона» и «преследовать лишь свои собственные интересы».

Население Восточной Пруссии, не дожидаясь, как и Йорк, королевского разрешения, само организовало борьбу против Наполеона. Возбудителем общества и организатором народного движения здесь явился старый борец за национальную независимость барон Штейн. Он приехал в Пруссию как комиссар Александра I и опирался на полномочия, полученные из рук русского императора. Он действовал как человек, уверенный в сочувствии прусского народа, как признанный вождь своей немецкой родины. Он созывает областной сейм Восточно-Прусской провинции, издает воззвания ко всему немецкому народу и приводит всю Пруссию в волнение. Его не смущает то, что король отменяет его распоряжения из робости перед Наполеоном. Еще королю было неприятно, что восстание за немецкую независимость начинается без его соизволения. И еще Фридрих-Вильгельм боялся, как бы нация, ободренная поступком Йорка и возбуждением Штейна, не стала действовать слишком самостоятельно.

Однако деятельность Штейна принесла значительный эффект - созванный им Восточно-Прусский сейм призвал (снова без королевского согласия) наскоро обученное Т. Шарнгорстом местное ополчение, благодаря чему у пруссаков оказалось сразу около 60 тыс. войска. Этим был нарушен навязанный Наполеоном Тильзитский договор, ограничивающий прусское войско 42 тыс. человек, но было положено начало всеобщему национальному вооружению. Королю, если он не хотел стать изменником национальному делу и обратить народное восстание, направлявшееся пока на французов, против самого себя, надо было решиться на открытое выступление против Наполеона. Но и здесь пришлось патриотам попугать короля. Глава прусского правительства князь Гарденберг уверил Фридриха-Вильгельма, что начальник французского гарнизона в Берлине генерал Ожеро собирается арестовать короля. Тогда король покинул Берлин и 22 января 1813 г. переехал в Бреславль, где ему вручили письма Александра I, в которых говорилось, что русский император не успокоится, пока Пруссия «не вернет весь свой блеск и могущество». Сюда же прибыл и Шарнгорст, который убедил короля, что в военное время нельзя полагаться только на одни патриотические чувства, а нужны и законы, имеющие обязательную силу. 16 февраля вышел королевский указ, по которому всякие льготы на военное время в Пруссии отменялись (прибавим к этому, что они потом так же и восстанавливались). Было даровано прощение Йорку с восстановлением его в командирах. На обращение к Александру I о составлении условий, на которых Пруссия порвет с Наполеоном, был ответ посланнику короля (Кнезебеку): «Никаких трактатов не нужно, Пруссия должна порвать немедленно».

Что же касается Карла Штейна, то именно он передал 25 февраля 1813 г. прусскому королю требование императора Александра I о немедленном заключении с ним союза. Этот ультиматум и, что немаловажно, патриотическое настроение народа, выраженное и созданием немецкого легиона, заставили Фридриха-Вильгельма III уже через два дня подписать такой союз.

28 февраля 1813 г. в г. Калиш русским (князь Кутузов) и прусским (князь Гарденберг) уполномоченными было подписано соглашение, по которому Россия обязывалась не складывать оружия до тех пор, пока Пруссия не будет восстановлена в своем прежнем (т.е. до войны 1806 г.) статистическом и географическом

объеме (без более точных гарантий). Вооруженные силы обоих государств объединялись. Обе стороны обязались не заключать никаких отдельных договоров без ведома и согласия другой стороны и предложить Австрии примкнуть к их союзу. 15 марта царь выехал в Бреславль, встретился с прусским королем, а на следующий день Пруссия формально объявила войну Франции. К оружию было призвано первое ополчение Пруссии (Landwehr), а еще через месяц - второе (Landsturm). Вся Пруссия была мобилизована, без различия происхождения ополченцев.

Апологет германского единства Карл фон Штейн убедил короля поднять знамя общегерманского освобождения. Его стараниями 19 марта в Бреславле между Пруссией и Россией было подписано соглашение, по которому оба государя обязались доставить независимость всем немецким государствам и призывали их порвать с Наполеоном и примкнуть к союзникам. Тем из германских государей, которые не захотели бы присоединиться к этому антинаполеоновскому союзу, грозила утрата их владений. Союзные государи делали попытку связать германские государства, по крайней мере, внешними скрепами. Хотя внутреннего единства в этом калейдоскопе немецких государственных образований, много столетий живших обособлено, не было. Первые звенья общегерманского единства еще только намечались. Не даром так старался о заключении этого договора главный противник немецкого партикуляризма Штейн. По договору 19 марта все занятые союзными войсками немецкие государства разделялись на пять областей, управление которыми вверялось, с одной стороны, союзным военачальникам, а с другой - комитету из делегатов Пруссии и России с присоединением к ним делегатов и от других немецких государств (по мере их примыкания к союзникам). Председателем этого комитета с начала апреля 1813 г. стал Штейн. И на Венском конгрессе Штейн отстаивал проект тесного объединения Германии, что, конечно, было отвергнуто Меттернихом. Понимая на этом этапе (1815 г.) утопичность своей мечты, Карл фон Штейн удалился от дел.

Чрезвычайно удачным и своевременным в контексте этих мартовских дней оказалось учреждение ордена «Железного креста» (10 марта 1813 г.), в день рождения королевы Луизы, о которой в те торжественные и тревожные дни все вспоминали с самым горячим чувством уважения и признательности (все остальные ордена на время войны были отменены). Такой «Железный крест» 1813-1814 гг. имеется и в нашем собрании.

Еще раз вспомним прозорливое мнение провидентного мудреца Михаила Илларионовича Кутузова, который считал ненужным для России окончательное низвержение Наполеона и поход русской армии до Парижа, ибо всеми плодами такой победы в Европе воспользуются только англичане. Что и получилось в конечном счете. Когда, после бала в честь русского императора, данного 12 декабря в Вильне Кутузовым, было объявлено окончательное решение Александра I перейти от оборонительной войны в наступательную, не только разоренное наполеоновским вторжением дворянство, вместе с простым народом, было против этой чуждой русскому человеку войны. Но и в среде придворных были не только сторонники, но и убежденные противники.

В книге «Наполеон в России в 1812 г.» приведена беседа (вероятно, в литературной обработке издателя) М.И.Кутузова с А.С.Шишковым, состоявшаяся в Вильне после заявления царя.

«Разрешите мое сомнение, - обратился Шишков к Кутузову, - зачем идем мы за границу? - Для продолжения войны, - ответил Кутузов...

Шишков. - Может быть, и самые победы наши не ободрят их (освобожденных от Наполеона. - *В.К.)* настолько, чтобы поднять оружие и вступить с нами в союз. Итак, не будучи в них уверены, мы идем единственно для них, оставляя сгоревшую Москву, разгромленный Смоленск и окровавленную Россию без призрения, с новыми надобностями требовать от нее и войск, и содержания их. Для чего бы не остаться нам у себя в России, предлагая утесненным державам, удобностью случая освободить себя из под ига Франции?.

Кутузов. - Я сам так думаю, но государь предполагает иначе, и мы пойдем далее.

Шишков. - Если и вы так думаете, то для чего же не настоите в том перед государем?..

Кутузов. - Я представлял ему об этом; но он, первое, смотрит на это с другой стороны, которую также совсем опровергнуть не можно.. .»[7]

Итак, «государь не внял ни доводам своего полководца, ни голосу общего мнения в России, которое было против заграничной войны. Полагали, что отразив нашествие, с Наполеоном заключить мир самый для нас выгодный и что нет причины переступать за Неман, на встречу новым случайностям переменчивого счастья. Итак, война за освобождение Европы от французского ига, решенная Александром, является его личным достоянием, принадлежит ему»[8].

Наполеон весной 1813 г. говорил: «Я всегда считал польский вопрос средством, а отнюдь не главным делом. Удовлетворив Россию на счет Польши, мы могли бы унизить и уничтожить Австрию»[9].

«Кутузов. полагал, что Наполеон теперь для России не опасен, и что следует поберечь его для англичан, которые стремятся захватить его наследство в ущерб России и другим континентальным державам. Все помыслы фельдмаршала клонились только к спасению отчества, а не Европы, как того желали англичане и немецкие патриоты, свыкшиеся уже с мыслью смотреть на Россию, как на удобное орудие для достижения и упрочения своих политических целей. Мнение Кутузова, конечно, как и следовало ожидать, сильно порицалось приближенными Александра и вообще людьми, судившими о происходящих военных действиях

из глубины своего кабинета»[10]. Еще Вильсону Кутузов говорил: «. я вовсе не убежден, будет ли великим благодеянием для вселенной совершенное уничтожение императора Наполеона и его армии. Наследство его достанется не России или какой-либо другой из держав материка, а той державе, которая уже теперь господствует на морях, и тогда преобладание ее будет невыносимо»[11]. Ну, а проще сказать: «Поле битвы после сражения достается мародерам».

И все-таки старый мудрец, мысливший стратегически (и политически), для которого главной целью было сбережение Отечества, шире понимал положение, провозглашенное Александром о превращении оборонительной войны в наступательную. Старый фельдмаршал, как и его учитель Суворов, берег русского солдата и прекрасно разбирался в нюансах стратегии обороны и наступления, применяемых с благородными целями защиты своей страны. Но понимал он и то, что затратное и невозобновляемое в ресурсном отношении (в том числе, и людском) наступление на Париж, стимулированное амбициозными, но бездарными политиканскими планами, кроме тягла, навалившегося на многие десятилетия вперед на российское население, являются прямой дорогой к катастрофе (мы знаем, - к Крымской, за которую британцы еще остались в долгу перед Провидением).

По ходу развития военных действий, уже после пересечения границ из России, фельдмаршал интуитивно понял и значение буферных государств: недаром он лично редактировал прокламации к населению (после него это делал Барклай де Толли) Восточной Пруссии и Варшавского герцогства. Так что цену царской идеи заключить мир в

Париже, куда англичане привезли русофобского Людовика XVIII, наплевав на прекраснодушные предложения Александра I, Кутузов ясно себе представлял, хоть и не дожил до этого. А вот его первоначальный антипод Вильсон, перешедший на позиции идеологического противника, т.е. Кутузова, уже в Париже, даже участвовал в заговоре против бездарной клики, пришедшей к власти во Франции.

В Германском Комитете Штейн испытывал сильное противодействие со стороны герцогов Ольденбургских. Один из них, Петр Фридрих, был изгнан из своих владений Наполеоном, а его сын Георг, направлявший именем царя работу Комитета, был женат на любимой сестре царя Екатерине Павловне. Очевидно, по мнению герцогов (помышлявших лишь о возврате родовых владений), деятельность Штейна, стремившегося придать немецкому легиону общегерманский, а затем и народный характер, была заражена «пагубным революционным духом». Однако воззвание к немцам с призывом переходить на сторону русской армии и вступать в легион было написано Штейном и напечатано огромным для того времени тиражом в 10 тыс. экземпляров. Воззвание подписал главнокомандующий российскими армиями Барклай-де-Толли. Воззвание содержало призыв «германцам... офицерам и солдатам германской нации», т.е. призыв к национальному единению и восстанию немецкого народа против иноземных оккупантов. Но в тексте Штейна были еще и такие слова: «Почти все ваши государи изменили делу отечества. большая часть вашего дворянства и чиновников предложила свои услуги для погибели отечества...» Это были сильные и смелые слова, слова подлинного патриота-реформатора. Однако по указанию Александра I эта формулировка, слишком антимонархическая, была заменена на более обтекаемую: «многие из высшего сословия... позабыли обязанности к отечеству своему».

Но даже в такой смягченной форме воззвание было встречено крайне недоброжелательно немецкими князьями и аристократами, а наполеоновская пропаганда выпустила контрпрокламацию под названием «Ответ немца: Барклай-де-Толли, вы хотите делать революции».

Патриотический призыв Штейна, однако, не остался без внимания и сочувствия в душах тысяч немецких солдат и офицеров, в принудительном порядке собранных в Великой армии и сражавшихся за чуждые им интересы. Многие из них покидали эту армию даже в период ее побед и желали немедленно вступить в создаваемый немецкий легион.

Александр I в предписании Военному министерству еще от 7 сентября 1812 г. приказывал оказывать содействие этому легиону «из пленных и дезертиров союзных войск, состоявших при французской армии. желавших определиться в сей легион, предназначенный содействовать общей пользе...».

Карл Штейн и его единомышленники по либерально-демократическим реформам и единению Германии поэт Эрнст М. Арндт, подполковник и будущий знаменитый военный теоретик Карл Клаузевиц, талантливые военные реформаторы Август Гнейзенау и Давид Шарнгорст и другие в значительной мере способствовали патриотической общегерманской направленности умов немецких легионеров. И тем сильнее была неприязнь к легиону со стороны реакционеров из феодальной аристократии. Когда в марте 1815 г. немецкий легион подчинили прусскому верховному командованию, он через три недели (18 апреля) был распущен королем Фридрихом-Вильгельмом III.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *ШильдерН.К.* Александр Первый, СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1904. Т. 2. С. 194-195.
[2] Там же. С. 208, 298.
[3] Там же.
[4] *Scherr J.* Blucher, seine Zeit und sein Leben.- Leipzig, 1863. Bd. 3. S. 10.

[5] *Шильдер Н.К.* Указ. соч. С. 199, 296.
[6] Befreiungskriege, 1813-1815. Stuttgart; B.; Leipzig, 1813.
[7] Наполеон в России в 1812 г. СПб.: Изд. А.А. Каспари, 1912. С. 627-629.
[8] *Шильдер Н.К.* Указ. соч. СПб. 1897. Т. 3. С. 137.
[9] Там же.
[10] Там же. С. 128-130.
[11] Там же. С. 125.